

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Лексика полевых работ в памирских языках*

И. М. Стеблин-Каменский

Санкт-Петербургский государственный университет

Техника земледелия, полевые работы и земледельческие орудия припамирских народов в первую очередь (в отличие от приемов орошения и высеваемых культур) обратили на себя внимание исследователей этнографии Памиро-Гиндукушского региона. Подробные сведения о полевых работах и сельскохозяйственных орудиях содержатся в существующей литературе по припамирской этнографии [Бобринской, 1908, с. 78—83; Андреев — Половцов, 1911, с. 20 и сл.; Кисляков, 1947; Рахимов, 1957; Моногарова, 1959, с. 13 и сл.; Kussmaul, 1965, с. 44 и сл.; ТКД, 1966, с. 110—147; Грюнберг, 1972, с. 161—169; ЯВГ, 1976, с. 164 и сл. и др.], среди которой, помимо непревзойденного труда М. С. Андреева и А. К. Писарчик [ТДХ, 1958], следует выделить ряд последних работ И. Мухиддинова, отличающихся особой детальностью описаний [Мухиддинов, 1971; 1973; 1975; 1978; 1980; 1984; Mukhiddinov, 1979a, 1979b].

В этой связи в данном разделе, посвященном терминологии, связанной с обработкой земли и земледельческими орудиями, этнографические сведения приводятся, по возможности, кратко; основное внимание уделяется собственно филологическим аспектам исследования. Это оправдано тем, что терминология, привлекаемая здесь, получила достаточно точные реальные определения и описания и вряд ли нуждается, в большинстве случаев, в специальных этнографических комментариях.

Удобрение

Подготовка к пахоте и севу начиналась задолго до дня весеннего равноденствия — традиционного начала полевых работ и дня проведения первой борозды¹ у иранских народностей. Как отмечал еще Кушкеки, в Припамирье «...почва ...не родит без удобрения...» [Кушкеки, 1926, с. 137]. Это объясняется, видимо, обязательным искусст-

* Раздел из сравнительно-исторического исследования традиционной памирской земледельческой терминологии, проведенного автором [Стеблин-Каменский, 1982; 1984; 1985a; 1985b; 1987].

¹ В самых высокогорных памирских долинах, в частности в Вахане, первую борозду в день равноденствия проводили в ритуальных целях, собственно пахота и сев, по природным условиям, совершались позднее (после 21—22 марта).

венным орошением земельных участков, что способствует вымыванию из почвы питательных веществ [Мухиддинов, 1975, с. 69]. Недаром М. С. Андреев поместил в качестве приложения к главе «Земледелие» особый раздел: «Удобрение полей как фактор, влияющий на размеры и форму селения» [ТДХ, 1958, с. 97—108].

Способы заготовки удобрений, приемы и сроки выноса удобрений на поля в деталях различаются у памирских народностей, но повсеместно основой для удобрения служит навоз скота, смешиваемый в хлевах с золой, землей (дерном), листьями, разным мусором — так называемой «подстилкой (для скота)». В бадахшано-таджикских говорах такая подстилка называется *afkina* 'подстилка для скота в хлеву; навоз с мелкой соломой, идущий на удобрение' [Розенфельд, 1971, с. 77; 1982, с. 20a], по-видимому, диалектальное из тадж., перс. **afkana* (с развитием *a* → *i* в предупредительном слоге) букв. «бросаемое», «(вы)брошенное», от тадж., перс. *afk/gandan* 'бросать', 'кидать', 'растилать' (ср. перс., тадж. *afgona* 'выкидыш' [ФЗТ, 1969, т. 1, с. 996])¹.

Вах. *(y)ikang*² 'подстилка' восходит к др.-ир. **abi-*, *vi-kana(ka)*- через этап **wikang* с переосмыслением *w-* как протетического и его меной на протезу *y-* в связи с *-i*, т. е. ваханское слово оказывается, таким образом, родственным таджикскому и связанным с тем же др.-ир. *kan-* (*afkandan* 'бросать' < **abi-kan-* [Horn, 1893, с. 24]), обозначая исторически дословно что-то вроде «(вы)брошенное», «подстеленное» и т. п. (или даже **ара-kan-* 'выбрасывать').

С тем же корнем могут быть связаны и шугнано-рушанские слова для подстилки: шугн. *biĵip* 'мякина и мусор, сгребаемые с тока и употребляемые в качестве подстилки для скота', руш., хуф. *biĵip* 'песок, смешанный с соломой для подстилки скоту'. Г. Моргенстиерне реконструирует для этих слов др.-ир. ***ура-kaina-* '?' [EVSh, с. 19b], но др.-ир. **ура-* (или **ара-*)*kan-ya-* вполне приемлемо и фонетически, и в связи с предложенными выше этимологиями. Шугнано-рушанские слова исторически дословно обозначали, видимо, приблизительно «сгребаемое», «сметаемое» (если с *ура-*) и то же самое «выбрасываемое» (для сложения с *ара-*). В первом случае в семантическом плане ср. тадж. *roġib*, бад.-тадж. *roġu(b)* 'навоз', 'удобрение', букв. «подметаемое из-под ног» [ТДХ, 1958, с. 105]: тадж. *ro(y)* 'нога', *ġub-* 'подметать'; ср. также русск. *на-воз*, т. е. «то, что навезено», русск. *по-мёт*, украинское *сміття* 'сор', 'мусор' и проч.

¹ Сокращенные названия языков и диалектов перед приводимыми словами указывают и на источник, откуда взято это слово, и в подавляющем большинстве случаев его перевод или значение. Например, вах. *(y)ikang* 'подстилка' без отсылок означает, что слово и его значение приводятся по работе [ЯВГ, 1976]. Таким образом, каждый приводимый иранский пример документирован (сокращения раскрываются в «Списке сокращений»).

² Зафиксирован также вариант вах. *ikəng* [Пахалина, 1975, с. 2066], в котором *ə* < *a* объясняется, по всей видимости, суживающим влиянием заднеязычной консонантной группы.

В целом, все известные памирские обозначения подстилки для скота восходят к др.-ир. *kap-* ‘копать, сгребать’ и, в конечном итоге, описательные по своему словообразованию.

Подстилка кладется обычно только крупному скоту, и во многих языках слово для подстилки подменяет собой обозначение помета крупного скота, однако в памирских языках, носители которого используют помет крупного скота не только как основу для удобрения, но и в качестве топлива, засвидетельствовано исконное слово общего происхождения, обозначающее «помет, навоз крупного скота, идущий как на удобрение, так и на топливо». Вах. *ɖart*, шугн. *ɖid*, руш., хуф. *ɖig*, рош. *ɖeg*, барт., сар. *ɖig*, язг. *ɖag* ‘навоз’, ‘удобрение’, ‘кизьяк’ — все эти слова возводятся к др.-ир. *ɖart(i)-*, *ɖrt-* [IFL, vol. 2, с. 521b; EVSh, с. 30b], и.-е. *dher-*, *dhreid-(s)t-* [IEW, с. 256], русск. *друстать*, норвежское, шведское *drita* ‘сacare’, лат. *fogia* ‘понос (у свиней)’, англ. *dirt* ‘грязь’ и проч. Из восточноиранских слово представлено также в согд. *ɖrt(‘)ӯс*, хорезм. *dirt* ‘навоз’ < **drt-* [EVSh, с. 30b]; несколько дальше ишк. *uɖel*, сангл. *wuɖil*, йид. *pʰskedgī* ‘навоз’ (в первой части последнего следует видеть рассматриваемое ниже обозначение помета мелкого скота).

Обозначение навоза, удобрения и топлива в припамирских таджикских говорах и в бурушаски, по-видимому, тоже восточноиранское (в связи с развитием *l* < **d*) по происхождению: бад.-тадж. *lar* ‘лепешка навоза для топлива’, дарв., рог., кул. *lar*, *lal*¹, матч. *lar* ‘кизьяк’, верш. *deik* [Зарубин, 1927а, с. 332б], бур. *dilk* ‘навоз’, ‘удобрение’.

Созвучное с этими словами афг. *ləd* ‘помет скота (смешанный с грязью)’, бел. *lid* ‘лошадиный навоз’ [Morgenstierne, 1973, с. 132], очевидно, усвоено из индоарийских: кашмири *led*, непальское *lidi* ‘помет лошадей и других животных’, бихари *lid* ‘помет лошадей и слонов’ и проч. < **lidda-* [CDIAL, N 11057].

Наличие в памирских языках исконного общего термина для обозначения навоза крупного скота свидетельствует о древности использования помета животных как на топливо, так и для удобрения. Помет животных в прошлом употреблялся в быту припамирских жителей чрезвычайно широко. Как отмечал М. С. Андреев, «помет животных, в противоположность человеческому, не считается поганым и в сухом виде смело берется в руки... Помет овец настолько считается чистым, что из него делают сосуды для хранения муки, зерна, орехов...» [ТДХ, 1958, с. 63, примеч. 2]. В сухой истолченный и просеянный овечий помет в прежние времена укладывали грудных младенцев [ТДХ, 1953, с. 63; Зарубин, 1927в, с. 362; ЯВГ, 1976, с. 259–260]. В памирском фольклоре упоминается о том, что при помощи дыма от сжигаемого коровьего навоза можно поймать красавицу-пари, если окурить ее саму или ее одежду; аналогичный сюжет известен и в фольклоре буришков [Logimer, 1935, с. 16–19].

¹ Приводимое Л. Ф. Моногаровой язг. *lal* ‘навоз’ [Моногарова, 1959, с. 13] — таджикское слово, собственно язг. *ɖag* ‘удобрение’, ‘навоз’ упоминалось выше.

В памирских языках зафиксированы специальные слова для помета мелкого скота и помета лошадей и ослов. Эти разновидности навоза также могут использоваться для удобрения почвы, к тому же имеют специальное употребление.

Помет мелкого скота (овец и коз, реже этим же словом называют и верблюжий) в памирских языках и в местных таджикских говорах обозначается сходным словом: вах. *rəšk*, ишк. *ryšk*, сангл. *rəšk*, шугн., руш., хуф., рош. *raħč*, язг. *baħxāg*, мдж. *rəška*¹ 'помет овец, коз, верблюда'. В памирских языках это слово может быть как исконным, так и старым (в шугн.-руш. и язг.) заимствованием из таджикско-персидских диалектов, в которых слово хорошо известно: бад.-тадж. *rəšk*, *rišk* 'овечий и козий помет', перс. *rušk*, *rišk*, *riškil*, *rišgil* 'овечий и верблюжий помет'. Это название представлено во многих индоиранских языках и, по-видимому, должно связываться с корнем, имеющим значение 'рассыпать', 'разбрасывать' (типа тадж. *pošidan* 'id.'), хотя для разных языков этимон восстанавливается с вариантами (*-rǝš-, *-uš-, -šč-, -č-), объясняющимися, видимо, фонетическими деформациями «дефектной»² основы. В индоарийских это дамели *rēṣ*, калаша *reṣ*, башкарик *rāṣ*, шина *raṣ* 'навоз', 'удобрение' и проч. < **raṣi-*, кхов. *roṣ*, ашкун *ruškāk*, вайгали *rištik* 'козий помет' **raṣi-* [CDIAL, N 8139], паш. *ruṣ* 'овечий помет' < **rǝša-* 'drop' 'droppings' [CDIAL, N 8363]; в иранских — хот. *pulske* 'экскременты' < **rǝška-* [EVSh, с. 64b; Bailey, 1979, с. 246a], ягн. *puršk*, матч. *pisk*, *pusk*, вандж. *rač*, афг. *rāča*, *ruča*, ванечи *ruk*³ (из *-šk- [Elfenbein, 1965, с. 595], пар. *rōrk* 'помет мелкого скота', 'помет овец и коз').

На древность и исконность отражений др.-ир. *rǝška-* 'помет мелкого скота' в памирских языках может указывать название особо мелкого помета, восходящее к производному с префиксом **fra-*: вах. *gəbəšk*, ишк. *gəbəšk* < **fra-rǝška-*, шугн. *ribuħč* 'мелкий кизяк' < **fra-rǝška-* [EVSh, с. 66a] — хотя ишкашимское слово, скорее всего, все же заимствовано из шугнанского или ваханского (в исконно ишкашимском слове ожидалось бы сохранение группы **fr-* > *fy-*).

С двумя древнеиранскими основами, засвидетельствованными еще в Авесте, связаны обозначения навоза крупного скота (чаще лошадей, ослов) в памирских языках и бадахшано-таджикских говорах: бад.-тадж. *širm*, *širn*, ишк. *šyrn*, сангл. *šurm*, вах. *šyrn*, *šyrm* 'навоз (конский, ослиный)'. По всей видимости, в основе др.-ир. *šā(y)-* 'испражняться', авест. *šāman-* 'нечистоты', *fra-šāimna-* 'испражняющийся', афг. *yušāk*, pl. *yošayə* 'помет крупного скота' (< *-šāy- [EVP, с. 28]; в первой части *gau-* 'корова?').

¹ В йидга *rəškedri* 'помет скота' во второй части — отражение др.-ир. *dṛt-*, рассмотренное выше.

² Вслед за Р. Л. Тёрнером [CDIAL, с. X], к «дефектным» (defective) относятся слова, обозначающие преимущественно разные недостатки (телесные, душевные и проч.), непристойности и т. п., и в силу своего экспрессивного употребления подвергаются нерегулярным фонетическим изменениям и деформациям в составе рифмующихся композитов, звукоподражательных сочетаний и т. д.

Шугн. *sargin*, рош., язг. *sargīn* ‘конский навоз’, вах. *səgin* ‘помет’, ‘кизяк’, так же, как и ягн. *sákin*, *sárkin* ‘кизяк’, являются адаптациями тадж., перс. *sargīn* ‘навоз’¹, праформа которого не вполне ясна, но связь с авест. *saigya-* ‘навоз’ несомненна (может быть, с метатезой из **sakr-aina-* [IIFL, vol. 1, с. 287a]), ср. также пехл. *sargēn*, хорезм. *γ'w-skyn*, мдж. *sára*, йид. *sogo* ‘навоз’, афг. *səga*, мдж. *γ'uskən*, йид. *γ'uskən* (**gau-sakana-* [IIFL, vol. 2, с. 213b]), ванечи *γwasyā*, бел. *saγan*, *sagan* [Elfenbein, 1965, с. 592], пар. *saγōn*, орм. *skan*, осет. *zæk'æp*, *zæk'æp* ‘кизяк’ (**sakan-* [Абаев, 1958, с. 392]); в индоарийских: др.-инд. *śákr-*, *gen. śákn-*, **śákana-* (ашкун *ga-sā*, паш. *šāngan* [CDIAL, N 12238]), **śákara-* (кхов. *šargu* [CDIAL, N 12241]), **chakana-* **chakara-* и проч. [CDIAL, N 4952, 4955; KEWA, Bd 1, с. 402–403].

Слова для обозначения удобрения, навоза и помета различных видов скота (за исключением ослиного и конского) в памирских языках являются по большей части исконными и восходят к древнеиранскому или даже индоиранскому.

Анджан

Слежавшийся в хлевах, этих «фабриках» удобрений [ТДХ, 1958, с. 28–29], навоз не всегда можно извлечь с помощью простой лопаты, погрузить в корзины и вынести на поля. Для сбора навоза иногда применяли лопату, снабженную специальным приспособлением — жгутом из ивовых прутьев, привязанным к черенку лезвия лопаты. Такой лопатой работают вдвоем или втроем — один толкает вперед рукоятку лопаты, другие тянут жгут. Эти лопаты чаще всего применяются при очистке оросительных каналов. Изображения и описания этого распространенного в Припамирье приспособления, очень удобного на каменистых горных почвах, есть в литературе [ТДХ, 1958, с. 45–46; Вавилов — Букинич, 1929, с. 170; Kussmaul, 1965, с. 46; Мухиддинов, 1975а, с. 59–60; Рахимов, 1957, с. 38; Mukhiddinov, 1979b].

Во всех памирских языках и в местных таджикских говорах приспособление это называется одинаково.

Бад.-тадж. *anjan* ‘жгут из прутьев, проволоки, веревки, который прикрепляется к верхней части лезвия лопаты...’, ишк., вах. *anjan*, шугн. *anjān*, хуф. *injan* [ТДХ, 1958, с. 45] ‘id.’. Слово это может быть общим заимствованием, если из иранского, то, возможно, к др.-ир. **ham-kan-* (?). Вряд ли оно является исконным для шугнано-рушанского и связано с шугн. *anjāv-*, руш., хуф. *injāv-* ‘брат(ся)’, ‘хватать(ся)’ (к др.-ир. *ham-kan-* [EVSh, с. 15a]), т. к. распространено чрезвычайно широко и засвидетельствовано, в частности, в языке дари — *anja* ‘орудие, которым прокапывают арыки на огороде...’

¹ В дари ‘конский или ослиный навоз’ [ДРС, 1978, с. 449а].

[LFA, 1961, с. 22]. Вполне вероятно, что слово это может оказаться и арабским по происхождению (ср. араб. *pijād* 'перевязь для меча?'). Бад.-тадж. также *anjanək* название разновидности местных лыж.

Употребительное в Дарвазе обозначение этого приспособления «*полаккашӣ*» [Рахимов, 1957, с. 36] и в Афганистане — *palkaš* [Вавилов — Букинич, 1929, с. 168] является таджикско-персидским и означает букв. «проводящее (*kaš-*) борозду, грядку» (тадж., перс. *pal*, *pala* 'грядка', 'борозда').

Название жгута-анджана в памирских языках, по всей видимости, довольно позднего происхождения, в некоторых таджикско-персидских диалектах оно описательное.

Корзины

Для переноски золы и земли в хлева и выноса удобрений на поля используются плетеные заплечные корзины [Грюнберг, 1972, с. 163]. Они употребляются и во время многих других работ: сбор навоза, хвороста, перенос соломы, травы и т. п. Эти корзины плетутся из ивовой лозы и могут быть самых разных размеров, но имеют обычно конусообразную форму и снабжены ляжками-наплечниками (изображения см. [Бобринской, 1908, табл. XI; ТДХ, 1958, с. 40, рис. 5, 6, с. 46, рис. 8; Моногарова, 1959, с. 17, рис. 8в; Kussmaul, 1965, с. 47; Мухиддинов, 1975а, с. 58, 64, рис. 17, 23]). Аналогичные корзины использовались для выноса удобрений и в Ягнобе [Андреев, 1970, с. 59—60].

Наиболее употребительной следует считать корзину средних размеров, которая в памирских языках называется по-разному: вах. *wərgəšt*, ишк. *š̌mūl*, шугн. *simū(d)*, язг. *sabad*, мдж. *sóvdəy*; в бадахшано-таджикских говорах такая корзина носит название *kaǰova*.

Вах. *wərgəšt* 'конусообразная плетеная корзина...' Т. Н. Пахалина остроумно предлагает возводить к др.-ир. **bāga-karšti-* букв. «переноска груза» [Пахалина, 1975, с. 2836], из которого, впрочем, ожидалось бы закономерное вах. **vəg-kəšt*. Вместе с тем безусловно родственное ваханскому название *короба* в йидга также может указывать на прототип с конечным **-št-* (в связи с палатализацией *-št-*, *-ršt-* в мунджанском и йидга [IIFL, vol. 2, с. 73]): йид. *vərkʷakʷə* 'плетеная из ивовой коры коробка для сыра'. Это слово сопоставимо с кхов. *wərkətī* 'лыко (?)', кал. *wərgéti* 'плетеная из лыка корзина'. Возможно, это старое общее заимствование из иранского.

Не имеют хорошей этимологии и шугнано-рушанские обозначения этого обычного в традиционном памирском быту предмета. Шугн. *simū(d)*, *simū(d)*, руш. *самīg*, хуф. *simig* (f.), руш. *самūg*, хуф. *simūg* (меньшего размера, чем *самīg*), барт. *самū*, рош. *самуг*, сар. *самыг*, *самūg* 'корзина' по чисто фонетическим соображениям возводится Г. Моргенстиерне к др.-ир. ***čamrta/i-* [EVSh, с. 23b] и сопоставляется с ишк. *š̌mūl/l*, сангл. *š̌mōl* 'корзина для носки навоза',

также с хот. *khamūḍa-* ‘вместилище’, ‘сосуд’, которое Г. Бэйли выводит из др.-ир. **kaṃṛta-* к корню *kaṃ-* ‘нести’ [Bailey, 1979, с. 71b]. Родственную основу Г. Бэйли усматривает еще в йид. *kūmīo* ‘большая корзина’, руш. *rujums*, хуф. *rajumc* ‘подкладка под спину при переносе груза’ (< **pati-kaṃa-ṣa-* [EVSh, с. 56a]), что, в целом, сомнительно. Скорее можно предполагать связь приведенных слов с обозначениями спины — ишк. *kāmūk*, сангл. *kaṃak*, сар. *comj*, шугн. *ṣumj* ‘спина’, ‘плечи’ < **kāṃaka-* [EVSh, с. 26a]. Значение древнеиранского этимона для корзины остается неясным.

В язгулямском и мунджанском языках для обозначения заплечной корзины соответствующего типа употребляются слова культурного круга, связанные с тадж., перс. *savat*, *sabad* ‘корзина’. Эти же слова были заимствованы и в другие памирские, но обозначают преимущественно плетеные корзины других типов (не только для переноски навоза). Язг. *sabad/t* ‘корзина’ является просто заимствованием из таджикского, возможно довольно недавним, вытеснившим старое название корзины для переноски навоза. Мдж. *sóvdəu* ‘корзина’, мдж. *sāvda*, йид. *sávdē* ‘корзинка’ — старое заимствование из персидского [IIFL, vol. 2, с. 249a]. Родственное заимствование обозначает в других памирских корзинку небольшого размера, предназначенную, по большей части, для хранения всяких мелочей: вах. *sapt* ‘корзинка для лепешек’, ‘корзиночка для ниток’, ишк. *usovd* ‘корзина для белья’, хуф. *sipt*, *siptak* ‘корзиночка, сплетенная из тонких полосок арчевого луба’ [ТДХ, 1958, с. 289], руш., барт., рош. *sept*, *söpt*, барт. *sarös* ‘круглая корзина’, руш. *sebdin* ‘круглая корзина’ (ср. вандж. *sibjak* ‘ивовая корзинка для птенцов куропатки’, язг. *sebĵ* ‘круглая корзиночка...’, бадж. *siptin* ‘деревянная кружка для муки’ [Карамшоев, 1963, с. 271]), сар. *sipt* ‘корзина’. Исконность некоторых из этих слов и восхождение их к дериватам от др.-ир. *sap-* [EVSh, с. 75a] (в значении ‘прут’, ‘зеленый’?, ср. перс. *sabz* ‘зеленый’, афг. *sābə* ‘зелень’ [EVP, с. 66]) очень сомнительны¹, слово известно во многих других языках и, по-видимому, принадлежит к числу культурных: хот. *sava* ‘коробка’, ‘корзина’, арм. *sapat* [Bailey, 1979, с. 422b], тюрк. (из иранского) *savdič*, *särät* ‘корзина’, ‘короб’ [ДТС, 1969, с. 492a, 493b], араб. *safaṭ*, узб. *savat*, бухарско-араб. *sábada* ‘корзина’ [Винников, 1962, с. 106] (очевидно, все из иранского); ср. в перс. диал.: *sebat*, *sevda* [Жуковский, 1888—1922, ч. 1, с. 143], сист. *švatkí* [Weryho, 1962, с. 307]. Калаша *sawéu* ‘небольшая плоская корзина’ — раннее заимствование из иранского [IIFL, vol. 4, с. 139b], но ср. в других индоарийских: хинди *sur*, синдхи *suru* и проч. ‘корзина (для веяния)’ (др.-инд. *śúrpa-* ? [CDIAL, N 12573; KEWA, Bd 3, с. 366]).

Корзина для переноски удобрений в шугнанском может называться и описательным по происхождению словом *ḍīdvog* [ТДХ, 1958, с. 289] букв. «носящий навоз».

¹ Так же, как и происхождение от корня **sap-* ‘заключать’, к которому Г. Бэйли относит и русск. (из иранского **saraka-*) сапог (как «вместилище» для ноги) [Bailey, 1979, с. 422—423].

Что касается бадахшано-таджикского названия корзины для выноса удобрений (бад.-тадж. *kaĵova*), то оно известно и в других говорах: панджширское *kaĵowa* ‘заплечная корзина для выноса удобрений в поле’ [Андреев, 1927, с. 24], ср. перс., тадж. *kaĵova* ‘перекидные корзины на вьючном животном’, дари *kaĵâwa* ‘сиденье (на спине верблюда)’, ‘коляска мотоцикла’ [ДРС, 1978, с. 579a].

В бурушаски корзина для выноса удобрений, по-видимому, называется *gigap* [Lorimer, 1958, vol. 2, с. 281]. Существует много названий для плетеных заплечных корзин во всех языках и диалектах Памиро-Гиндукушского региона, однако, к сожалению, предназначение этих корзин остается часто неизвестным, а достоверные описания отсутствуют. Ниже приводятся некоторые из этих названий.

Верш. *pheganî* ‘большая корзина для переноски соломы’, по-видимому, усвоено из кховар [Berger, 1947, с. 170b], ср. также верш. *kʌgēti*, бур. *khʌgēti*, кхов. *khəgēti*, шина *karēi* [Lorimer, 1938, с. 229b] — различные плетеные корзины; мдж. *kéwa*, кати *kəwo*, вайгали *kawā* ‘большая корзина’ [Morgenstierne, 1966, с. 183].

Существует, очевидно, общее по происхождению название большой корзины в памирских языках и бадахшано-таджикских говорах. Эта корзина используется для переноски травы, соломы. Бад.-тадж. *kašofč*, *kašufč*, шугн. *kisipč* [ТДХ, 1958, с. 289], вах. *kšərc* ‘большая корзина’ можно сопоставить с неясным ягн. *kispa* ‘большая корзина...’, ср. также тадж. *kašša*, вандж. *kəgč*, дарв. *kurč* [ТКД, 1966, с. 145, рис. 29] ‘большая корзина’. Этимологии этих слов неясны, связь с сар. *ħafc* ‘корзина’ (< *xšaračī- ? [Пахалина, 1975, с. 2146]) сомнительна.

В ваханском употребительно также слово неизвестного происхождения *amsang* ‘большая корзина’ (вряд ли к тадж. *ham-sang* ‘одинакового веса’?).

Поскольку речь зашла о разных типах заспинных корзин, то, возможно, заслуживает внимания и рассмотрение названий лямок, наплечников этих корзин, изготовляемых из веревок или ивовых прутьев.

Хуф. *aĵiħc* [ТДХ, 1958, с. 51, 54, рис. 12], шугн. *ĵiħc* ‘завязки из тальника или веревок для переноски груза за спиной и самый груз; наплечники для укрепления корзины на плечах’ Г. Моргенстиерне возводит к др.-ир. *ā-kṛšti-čī-, скр. ā-karṣa- ‘тащить к себе’ и проч. [EVSh, с. 39b].

Не имеет объяснения язг. *s(ə)vagn* ‘сплетенные из прутьев ручки корзины, под которые продеваются руки...’.

Вах. *klic* ‘лямки’, ‘наплечники’ по чисто фонетическим признакам может быть возведено к др.-ир. *kalīč- (?), ср. др.-инд. *kiliñca-*, *kaliñja-* ‘тонкая планка’, ‘бамбук’ ([KEWA, Bd 1, с. 212]: субстратное?), маратхи *kilic* ‘рейка’ — в ваханском, возможно, заимствование (или ареальное, субстратное слово, см. вах. *kilč* [Стеблин-Каменский, 1985a, с. 159]), ср. также афг. *kelák* ‘путы’, ‘тесма (рукоятки сабли)’, *klač* ‘сумка (для переноски земли)’, афг. *kleč* ‘свитый (о нитке)’.

Вряд ли, однако, приведенные сопоставления могут определенно свидетельствовать в пользу предположения о проникновении слов для корзин в памирские языки из индоарийских.

Разбрасывание удобрений

При выносе удобрений на поля обычно устраивалась помочь или взаимопомощь [ТДХ, 1958, с. 58; Мухиддинов, 1975а, с. 70]. Удобрение выносилось на поля и складывалось в кучи, которые впоследствии разбрасывались по пашне. Разбрасывание удобрений производилось после таяния снега, так как повсеместно считалось, что тающий снег лишает удобрение силы [Андреев, 1970, с. 60]. После многоснежных зим в некоторых местностях, где снег долго не таял на пашнях, разбрасывали по полям землю, чтобы ускорить таяние снега, а потом уже выносили удобрения (ср. в долине р. Хингоу [Рахимов, 1957, с. 54—55]).

В шугнанском есть специальный глагол *wizêg-* 'разбрасывать навоз (по полю)', восходящий к др.-ир. *vi-čāraua-* [EVSh, с. 89b], авест. *kar-* (праес. *kāraua-*) 'сыпать', осет. *kalyn* 'проливать', 'сыпать', 'бросать на землю' и проч. [Абаев, 1958, с. 569].

В Хуфе вынос навоза и его разбрасывание обозначаются описательными терминами: хуф. *δig-tižd* букв. «вытаскивание (*tāž-* : *tižd-*) навоза (*δig*)», хуф. *δig-awezd* букв. «разбрасывание навоза» [ТДХ, 1958, с. 59]. Насыпание навоза кучами называется по-хуфски *δig-čawčig* «?» [ТДХ, 1958, с. 59].

В ваханском куча удобрений, высыпанная на пашню, называется *krəž*, а насыпание удобрений на поле — *krəž di-* (*krəž dingak*). Вах. *krəž* 'куча навоза, вынесенная на пашню' не имеет удовлетворительной этимологии. Вряд ли это старая адаптация тадж., перс. *kāriš* 'рассеивание' (от *kāriđan* 'сеять', к упомянутому выше авест. *kar-*).

В вахано-таджикском говоре соответствующее слово описательное по происхождению: вах.-тадж. *tal zadan* (тадж. *tal* 'холм', 'бугорок'), *gada zadan* — от тадж. *gad(d)a* 'ряд', 'линия', 'шеренга' (кучи удобрений на пашне складываются рядами).

В ваханском употребительно еще сочетание *wəšip kaṭ-* 'разбрасывать удобрения по полю' (вах. *kaṭ-* : *kart-* 'класть', 'бросать'), в котором вах. *wəšip* может восходить к др.-ир. **ava-*, **vi-xš'aira-*, ср. вах. *gəšip* 'кнут', 'плеть' < **fra-xš'aira-*¹ (авест. *xšvaēwayaṭ. aštra-* 'размахивающий бичом'), др.-инд. *kṣip-* 'бросать(ся)', 'кидать(ся)' (< **kṣvip-*, русск. *шибать* [KEWA, Bd 1, с. 289]), др.-инд. *kṣiparī-* 'удар кнутом' [CDIAL, N 3682], согд.-ман. *xwšur* < **xšvaēra-* 'хлыст', 'кнут' [Hening, 1940, с. 23], ягн., тадж. (диал.) *šappa* 'палочка', 'прут' [ЯТ, с. 3256], перс. *šib* 'плеть' и проч. [Tomaschek, 1880, с. 801; IIFL, vol. 2, с. 538a].

¹ Фонетически необоснованно возведение к др.-ир. *fra-saip-* [Пахалина, 1975, с. 252a].

В других памирских языках, к сожалению, соответствующие термины в существующей литературе не приводятся.

Пахота и сев

Начало пахоты и сева сопровождалось прежде у припамирских народностей многочисленными обрядами и праздниками: проведение ритуальной первой борозды и др. Первая весенняя запашка проводилась обыкновенно в день Нового года (день весеннего равноденствия), хотя собственно пахота могла происходить и позже в зависимости от климатических и иных условий. Описания ритуала проведения первой борозды, вывода волов на пашню и других новогодних обрядов у припамирских народов достаточно хорошо известны по литературе [Андреев — Половцов, 1911, с. 27—30; Бобринской, 1908, с. 97; ТДХ, 1958, с. 60, 329; Розенфельд, 1970, с. 114—117; Kussmaul, 1965, с. 90; Грюнберг, 1972, с. 165; Мухиддинов, 1975, с. 93—97; 1984; ЯВГ, 1976, с. 234—239 и проч.].

Для разных культур у памирских народностей существуют разные приемы посева и пахоты, однако для ячменя и пшеницы, самых обычных хлебных культур, общепринятым и, по-видимому, традиционным и наиболее архаичным следует считать запахивание разбросанных по полю семян [ТДХ, 1958, с. 63; ЯВГ, 1976, с. 164—165; Грюнберг, 1972, с. 166, примеч. 4; Snou, 1964]. Специальных терминов для обозначения посева до пахоты или после пахоты в памирских языках, насколько известно, нет [Мухиддинов, 1975, с. 75], понятие «сеять» вообще обычно выражается описательными сложноименными глаголами типа «бросать, кидать семена» (тадж. *tuxm doxtan, zadan*, вах. *tuxm di-* 'сеять', шугн. *tũm-wēdd* 'посев', 'сеяние' и т. п.).

Во всех памирских (и многих других иранских) языках есть глагол, который означает одновременно и 'пахать', и 'сеять', т. е. в целом 'возделывать землю', и восходит к др.-ир. *kar-* 'пахать и сеять', 'возделывать землю'. Это ишк. *kir-* : *kygd-*, сангл. *kīr-* : *kurt-*, шугн. *čēr-* : *čērt-*, руш., хуф. *čēr-* : *čērt-*, барт., рош., сар. *čor-* : *čort*, язг. *kar-* : *kard-* < **kāraya-* [EVSh, с. 26b], вах. *kyr-* : *kord-*, *kəšt-*, мдж. *kor-* : *kəšk-*, йид. *kār-* : *kišč-* < **kār(aya)-* : **kršta-*; ср. авест. ³*kar-*, ⁴*kar-* [AIW, с. 449], в которых В. И. Абаев справедливо предлагает видеть один корень 'возделывать землю' [Абаев, 1958, с. 570], аналогично, видимо, и авест. ²*karš-* 'сеять', ³*karš-* 'пахать' [AIW, с. 456—457], др.-инд. *karṣ-* 'пахать', хот. *ker-* : *kilsta-* [Emmerick, 1968, с. 23; Bailey, 1979, с. 53], согд.-будд. *kyr-* 'сеять', согд.-ман. *kšt-* [Gershevitch, 1954, с. 21, 84], тадж. *kor-* : *košt-*, перс. *kār-* : *kāšt-*, *kišt-* 'возделывать землю', 'пахать, сеять', ягн. *kiš-* : *kišta-*, афг. *karəl* 'сеять', осет. *kalyn* : *kald* 'сыпать', 'бросать на землю' и проч. [Shaw, 1876, с. 190; Tomaschek, 1880, с. 879; IIFL, vol. 2, с. 399a].

В этой связи совершенно необоснованно выделение в ваханском двух разных глаголов: *kyr-* : *kord-* 'сеять' и *kyr-* : *kəšt-* 'пахать' [Па-

халина, 1975, с. 214а]. Это один и тот же глагол с двумя вариантами основ прошедшего времени: первая является образованием по аналогии с глаголами, имеющими перегласовку ы/о в основах [Стеблин-Каменский, 1981, с. 60], а вторая закономерно восходит к древнеиранскому причастию *kṛšta- (так же, как соответствующие основы прош. в персидском, мунджанском, ягнобском). Приводимое там же вах. *kyšt* [Пахалина, 1975, с. 214аб], *kišt* ‘сев’, ‘посев’, вопреки мнению Т. Н. Пахалиной, является безусловным заимствованием из тадж., перс. *kišt* ‘посев’, ‘обработка земли’ (в свою очередь из *kṛšta- [Hübschmann, 1895, с. 86]), так же, как и ишк. (из тадж.) *kišt*, *kyšt* ‘посев(ы)’.

В нескольких памирских языках зафиксированы слова для обозначения борозды (шугн. *kīḥ*, руш. *koḥ*, мдж. *kūṣ áya* и проч.), которые в составе сложноименного глагола означают ‘пахать’ (но не ‘сеять’), ‘пропахивать борозды’; слова эти были рассмотрены в предыдущих разделах [Стеблин-Каменский, 1987, с. 145].

В бадахшанских таджикско-персидских говорах и в памирских языках большое распространение получило обозначение пахоты с севом семян — тадж. диал., бад.-тадж. *qulba*, *qəlba* ‘пахота’, в составе сложноименного глагола — *qulba kardan* ‘пахать’. Согласно выводам М. С. Андреева, в Припамирье значение «пахота» в этом слове — вторично, первоначально оно значило «сошник» [ТДХ, 1958, с. 36]. Слово это хорошо известно в языках и диалектах преимущественно к югу от Восточного Гиндукуша: бад.-тадж., гор., рог. *qulba* ‘пахота’¹, перс. *qulba* ‘деревянная часть лемеха’, ‘палка сошника’, афг. *qulba* ‘плуг’, ‘воловья упряжка’, ‘пахота’ (афг. *qulba kawəl* ‘пахать’), хиндустани *qulba* ‘плуг’ [Platts, 1930, с. 793b], пар. *kulba*, паш. *kulbū* ‘плуг’.

В двухтомном толковом словаре таджикского языка *qulba* ‘плуг’ помечено как «арабское» [ФЗТ, 1969, т. 2, с. 704а]. Возможно, оно действительно связано с арабским корнем *qalaba* ‘вращать’, ‘переворачивать’, ср. араб. *miqlab* ‘мотыга’, ‘кетмень’ [Баранов, 1977, с. 6546]. В Припамирье, во всяком случае, это слово для пахоты, по всей видимости, проникло из языков и диалектов Северного Индостана и Афганистана, вытесняя исконно восточноиранское обозначение пахотного орудия, восходящее к др.-ир. **spāga-* [Стеблин-Каменский, 1985а].

При пахоте и севе обычно устраивалась «помочь» — работа миром за угощение. На помощь приглашались родственники и соседи, которые работали на пашнях одного хозяйства один-два дня [ТДХ, 1958, с. 58; Мухиддинов, 1975, с. 13—14, 75; 1980]. Взаимопомощь устраивалась также при многих других работах — выносе навоза, постройке дома, заготовке дров, жатве, переноске сжатых снопов, молотье, чистке арыков и др.

В памирских языках есть общее слово для обозначения помочи: вах. *kəyuaḡ*, шугн. *kiyūaḡ*, когуаг [ТДХ, 1958, с. 58], рош. *kaḡyāḡ*

¹ Д. Л. Лоример дает также значение бадахшанского *qalwā* ‘плуг’ [Lorimer, 1922, с. 176].

‘помочь’, ‘работа миром’, ‘помочанин’, язг. kaɣuag ‘помощник’, ‘помога’. Слово это вряд ли связано с др.-ир. kaɣuа- (ср. хот. kīgo ‘работник’ к *kaɣ- ‘делать’, ‘работать’ [Bailey, 1967a, с. 47]). Скорее всего, это старая общая адаптация тадж., перс. kāg-uāg букв. «рабочий помощник», ср. термин для помочи и помощника в Панджшире: yoga, yogaki [Андреев, 1927, с. 24–25].

В язгулямском зафиксировано еще слово qaʕag ‘совместная уборка урожая...’, ‘совместная пахота на волах’. Происхождение его неизвестно; очевидно, это заимствование. В бадахшано-таджикских говорах употребляется обычное в Таджикистане и Узбекистане тадж., узб. haʕag ‘добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах’ (от араб. haʕaga ‘собирать’, ‘соединять’).

Вместо помочи среди беднейших крестьян практиковалось объединение волов и пахотного инвентаря, принадлежащих двум-трем хозяйствам, для совместной обработки земли и молотбы — так называемая ‘супряга’, взаимопомощь рабочим скотом и инвентарем, известная и во многих соседних областях [Кисляков, 1936, с. 30; Рахимов, 1957, с. 117–118; ТДХ, 1958, с. 58, 62; ТКД, 1966, с. 68]. Во всех памирских языках супряга называется так же, как и в таджикских диалектах словом aɣov.

Слово это распространено очень широко: тадж. aɣov, бад.-тадж., кар. aɣow, шугн., хуф. aɣow ‘супряга’, сар. aɣew çeuɣ(ew) ‘помогать’, язг. aɣew ‘совместная пахота на волах’, вах. aɣow, aɣowkogi ‘супряга’, ягн. aɣow vu- ‘объединиться во время пахоты’ [Хромов, 1972, с. 163], узб. (уст.) aɣov ‘супряга’, ‘взаимный обмен скотом’, кирг. algō ‘взаимопомощь в сельском хозяйстве...’ и проч. И. М. Оранский, посвятивший этому термину специальную заметку [Оранский, 1974, с. 152–155], считает, что он происходит из древних восточно-иранских наречий Средней Азии (согдийского, бактрийского?) и восходит к др.-ир. *hada-gāv- букв. «со-бычье» или *hada-gāma- букв. «с (общим, совместным) шагом» [Оранский, 1974, с. 153]. Слово это неизвестно на западе ираноязычного мира (в словарях персидского языка не зарегистрировано), и, в целом, происхождение его из дневно-восточноиранского *hada-γāv- (или -γām-) с характерным для восточноиранского переходом d > l [Оранский, 1979, с. 182] можно считать вполне правдоподобным. Однако в памирские языки aɣov/w ‘супряга’ проникло, по всей видимости, из таджикских говоров, причем в сарыкольском и язгулямском представлены, вероятно, более старые адаптации (в язгулямском, возможно, и по ассоциации язг. aɣew ‘совместная пахота...’ с язг. ɣew ‘бык’, ‘вол’, ɣew da- ‘пахать на волах?’).

Что же касается узб., тадж. (диал.) aɣov-dalɣov ‘суматоха’, ‘беспорядок’, то оно, вопреки предположению И. М. Оранского [Оранский, 1974, с. 154], вряд ли связано с aɣov ‘супряга’, хотя и известно, что при совместном использовании принадлежавших разным хозяевам волов часто возникали раздоры [ТКД, 1966, с. 322, примеч. 10]. Это слово основывается прежде всего на фоносемантике, ср. тадж. aɣav, aɣav-dalɣav ‘гвалт’, ‘суматоха’, кар. aɣow ‘шум’, ‘крик’, вах. aɣow

‘ссора’, ‘раздор’, ‘гам’, ‘шум’, афг. *al̥u-tal̥u*, узб. *al̥o(v)-dal̥o(v)* ‘суматоха’, тадж. *γavγo* ‘шум’, ‘крик’ (араб. *γāγāt*, *γawγā* ‘шум’, ‘гам’, ‘толпа’), шугн. (из тадж.) *γawγo* ‘шум’, ‘ссора’, верш., бур., кхов., шина *γauγau* ‘шум’ [Logimer, 1962, с. 115b], руш., хуф. *dēγow* ‘ссора’, может быть, к авест. *gav-* ‘кричащий’, др.-инд. *gav-* ‘звучать’, русск. *говор, говорить, гавкать* и т. д.

Весьма вероятно, что *al̥ov* < **hada-gāv(a)*- (или **gāma*-?) ‘супряга’ идет из восточноиранских диалектов, распространенных на территории исторической Бактрии.

Термин (тадж. диал.) *amboz* ‘совместная работа’ мог также обозначать разные формы кооперации при обработке земли, но употреблялся преимущественно по отношению к совместной обработке молока, к женским молочным артелям [Пещерева, 1927, с. 10]: бад.-тадж. *amboz*, *amboj*, вах. *amboz*, мдж. *amboz* [Грюнберг, 1972, с. 171, примеч. 1] — из перс. *hambāz*, тадж. *hamboz* ‘партнер’, ‘товарищ’ (из др.-ир. *ham-vāz-* [Hübschmann, 1895, с. 22]). В памирских языках *amboz* ‘артель’ — заимствование из таджикско-персидских говоров; варианты тадж. диал. (бад.-тадж.) *amboj* — обратные заимствования из памирских.

* *
*

Рассмотренная лексика сведена в таблицу (см. с. 221; в этой таблице шугнанские слова приводятся без особых помет в графе «шугн.-руш.»; фонетические и говорные варианты не указываются; прочерки проставлены там, где соответствующее слово неизвестно или недостоверно).

В результате сравнительно-исторического анализа можно с достаточной уверенностью реконструировать для древнеиранских диалектов, предков памирских языков, следующие основы:

др.-ир. *-kap-* (с провербами) ‘бросать подстилку (скоту)’,
др.-ир. *δgt-* ‘навоз’, ‘удобрение’,
др.-ир. (*fra-*) *r̥ska-* ‘помет мелкого скота’,
др.-ир. *vi-čāgaυa-* ‘разбрасывать (удобрения)’,
др.-ир. *kār(aya)-* : *k̥šta-* ‘пахать и сеять’, ‘возделывать землю’,
др.-ир. *hada-γāv-* ‘супряга’.

Среди лексики, связанной с полевыми работами, велико также число заимствований, как старых, так и совсем недавних.

К числу старых, общих для многих памирских языков, заимствований можно отнести названия некоторых типов корзин, слова для помочи и супряга и др. К более недавним заимствованиям относятся слова, обозначающие различные новые технические приспособления. Основная часть терминологии, рассмотренной в этом разделе, указывает все же на древность земледельческих традиций у носителей восточноиранских языков в Памиро-Гиндукушском регионе.

Т а б л и ц а

	Бад.-тадж.	Яэг.	Шугн.-руш.	Ишк.	Вах.	Мдж.
подстилка	afkina	—	bijīn	—	ikang	—
навоз	rogu, lar	oāg	oīd	udel	ɖart	sāra
помет мелкого скота	rəšk	baḫḫāg	paḫč	pyšk	rəšk	rāška
анджан	anjan	—	anjan	anjan	anjan	—
корзина	kaĵova	sabad	cimū(d)	č mul	wərgəšt	sovdəy
лямки корзины	—	s(ə)varn	jīxc	—	klic	—
разбрасывать удобрения	—	—	wizêr	—	krəž di-, wəšip ka-	—
пахать и сеять	kor-	kar-	čêr-	kir-	kyr-	kor-
помочь	hašar	karyar, qačar	kiryār	—	kəryar	—
супряга	alyov	alyew	alyow	—	alyow	—

С п и с о к с о к р а щ е н и й

- авест. — авестийский. Приводится по [AIW]
англ. — английский
араб. — арабский
афг. — афганский (пашто) [Асланов, 1966]
бад.-тадж. — бадахшан(ск)о-таджикское [Розенфельд, 1971, с. 77—151; 1982]
бадж. — баджувский (диалект шугнанского) [Карамшоев, 1963]
барт. — бартангский [Соколова, 1960, с. 68—181]
бел. — белуджский
бур. — бурушаски [Logimeg, 1938]
вандж. — ванджский (говор тадж.) [Розенфельд, 1964, с. 82—121]
вах. — ваханский [ЯВГ, 1976, с. 291—524]
верш. — вершикий (диалект бурушаски) [Berger, 1974, с. 129—188]
дарв. — дарвазский (говор тадж.) [Розенфельд, 1956, с. 258—272]
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ир. — древнеиранский
и.-е. — индоевропейский
ишк. — ишкашимский [Пахалина, 1959, с. 178—255]
йид. — йидга [IIFL, vol. 2, с. 187—279]
кар. — каратегинский (говор тадж.) [Розенфельд 1950; 1960]
кул. — кулябский (говор тадж.) [Неменова, 1956]
кхов. — кховар
лат. — латинский
матч. — матчинский (говор тадж.) [Хромов, 1962]
мдж. — мунджанский [Грюнберг, 1972, с. 271—397]
орм. — ормури [IIFL, vol. 1, с. 386—414]
осет. — осетинский
пар. — парачи [IIFL, vol. 1, с. 230—304]
паш. — пашаи [IIFL, vol. 3, pt. 3]
перс. — персидский [ПРС]
пехл. — пехлеви, среднеперсидский
рог. — рогский (говор тадж.) [Богорад, 1956, с. 186—195]

рош.	— рошорвский (орошорский) [Зарубин, 1930, с. 23—72]
русск.	— русский
руш.	— рушанский [Соколова, 1959, с. 109—304]
сангл.	— сангличский [IIFL, vol. 2, с. 379—426]
сар.	— сарыкольский [Пахалина, 1971]
сист.	— систанский (диалект перс.)
согд.	— согдийский
согд.-будд.	— согдийский буддийских текстов
согд.-ман.	— согдийский манихейских текстов
тадж.	— таджикский [ТРС, 1954]
тюрк.	— тюркский
узб.	— узбекский
хорезм.	— хорезмийский
хот.	— хотанский, хотаносакский
хуф.	— хуфский [Соколова, 1959, с. 109—304]
шугн.	— шугнанский [Зарубин, 1960, с. 85—288]
шугн.-руш.	— шугнано-рушанский
ягн.	— ягнобский [ЯТ, 1957, с. 223—370]
язг.	— язгулямский [Эдельман, 1971]

Литература

- Абаев, 1958 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Андреев, 1927 — *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана: Долина Панджшир. Таш., 1927.
- Андреев, 1970 — *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927—1928 гг.) / Подгот. к печати А. К. Писарчик. Душ., 1970.
- Андреев — Половцов, 1911 — *Андреев М. С., Половцов А. А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // СМАЭ. II. СПб., 1911.
- Асланов, 1966 — Афганско-русский словарь (пушту) / Сост. М. Г. Асланов. М., 1966.
- Баранов, 1977 — *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. 5-е изд. М., 1977.
- Бобринской, 1908 — *Бобринской А. А.* Горцы верховьев Пянджа: (Ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.
- Богорад, 1956 — *Богорад Ю. И.* Рогские говоры таджикского языка // ТИЯЗ. Т. 6. 1956. С. 133—195.
- Вавилов — Букинич, 1929 — *Вавилов Н. И., Букинич Д. Д.* Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
- Винников, 1962 — *Винников И. Н.* Словарь диалекта бухарских арабов // Палестинский сборник. Вып. 10 (73). М.; Л., 1962.
- Грюнберг, 1972 — *Грюнберг А. Л.* Языки Восточного Гиндукуша: Мунджанский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972.
- ДРС, 1978 — *Киселева Л. Н., Миколайчик В. И.* Дари-русский словарь. М., 1978.
- ДТС, 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Жуковский, 1888—1922 — *Жуковский В. А.* Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 1. СПб., 1888; Ч. 2, вып. 1, 2. Пг., 1922; Ч. 3, вып. 1. Пг., 1922.
- Зарубин, 1927а — *Зарубин И. И.* Вершикское наречие канджутского языка: Очерк по диалектографии Гиндукуша // ЗКВ. Т. 2, вып. 2. Л., 1927. С. 275—364.
- Зарубин, 1927б — *Зарубин И. И.* К характеристике мунджанского языка // Иран. 1926. Т. 1. Л., 1927. С. 111—200.

- Зарубин, 1927в — *Зарубин И. И.* Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927. С. 361—373.
- Зарубин, 1930 — *Зарубин И. И.* Орошорские тексты и словарь // Памирская экспедиция 1928 г.: Труды экспедиции. Вып. 6: (Лингвистика). Л., 1930.
- Зарубин, 1960 — *Зарубин И. И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
- ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР). Л.
- ИАН Тадж. ССР, ООН — Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Сталинабад — Душанбе.
- Карамшоев, 1963 — *Карамшоев Д.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душ., 1963.
- Кисляков, 1936 — *Кисляков Н. А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.; Л., 1936.
- Кисляков, 1947 — *Кисляков Н. А.* Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу // СЭ. 1947. № 1. С. 108—125.
- Кушкеки, 1926 — *Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки.* Каттаган и Бадахшан / Пер. с перс., под ред. проф. А. А. Семенова. Таш., 1926.
- Моногарова, 1959 — *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник (Труды ИЭ АН СССР. Т. 47). М., 1959. С. 3—94.
- Мухиддинов, 1971 — *Мухиддинов И.* Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // СЭ. 1971. № 1. С. 90—99.
- Мухиддинов, 1973 — *Мухиддинов И.* Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX—начале XX в. // СЭ. 1973. № 3. С. 99—109.
- Мухиддинов, 1975 — *Мухиддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX—начале XX в.: (Историко-этнографический очерк). М., 1975.
- Мухиддинов, 1978 — *Мухиддинов И.* Классификация традиционных пахотных орудий таджиков Памира // ИАН Тадж. ССР. ООН. 1978. № 4 (94). С. 26—34.
- Мухиддинов, 1980 — *Мухиддинов И.* К вопросу о формах коллективного труда в кишлачной общине в Вахане и Ишкашима (XIX—начало XX в.) // Памяти Александра Александровича Семенова: Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Душ., 1980. С. 294—300.
- Мухиддинов, 1984 — *Мухиддинов И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX—начале XX в. Душ., 1984.
- Неменова, 1956 — *Неменова Р. Л.* Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956.
- Оранский, 1974 — *Оранский И. М.* Тадж. алфав 'супряга' // ППиПИКНВ. 10. М., 1974. С. 152—155.
- Оранский, 1979 — *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Пахалина, 1959 — *Пахалина Г. Н.* Ишкашимский язык. М., 1959.
- Пахалина, 1971 — *Пахалина Г. Н.* Сарыкольско-русский словарь. М., 1971.
- Пахалина, 1975 — *Пахалина Г. Н.* Ваханский язык. М., 1975.
- Пещерева, 1927 — *Пещерева Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Таш., 1927.
- ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1—14. М., 1965—1978 (1-я и т. д. годовые научные сессии Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР...).

- ПРС — Персидско-русский словарь в двух томах / Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970. 2-е изд., стереотипное, с приложением новых слов. М., 1983. 3-е изд., стереотипное. М., 1985.
- Рахимов, 1957 — *Рахимов М. Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период: (Историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957.
- Розенфельд, 1950 — *Розенфельд А. З.* Говоры Каратегина // Иранские языки. 2. М.; Л., 1950. С. 145—168.
- Розенфельд, 1956 — *Розенфельд А. З.* Дарвазские говоры таджикского языка // ТИЯЗ. 1956. Т. 6. С. 196—272.
- Розенфельд, 1960 — *Розенфельд А. З.* Говоры Каратегина. Сталинабад, 1960.
- Розенфельд, 1964 — *Розенфельд А. З.* Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.
- Розенфельд, 1970 — *Розенфельд А. З.* Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана // СЭ. 1970. № 3. С. 114—119.
- Розенфельд, 1971 — *Розенфельд А. З.* Бадахшанские говоры таджикского языка. Л., 1971.
- Розенфельд, 1982 — *Розенфельд А. З.* Таджикско-русский диалектный словарь (Юго-Восточный Таджикистан). Л., 1982.
- СМАЭ — Сборник Музея (по) антропологии и этнографии. СПб., Пг., Л.
- Соколова, 1959 — *Соколова В. С.* Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.; Л., 1959.
- Соколова, 1960 — *Соколова В. С.* Бартангские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
- Стеблин-Каменский, 1981 — *Стеблин-Каменский И. М.* Историческая классификация ваханских глаголов // Иранское языкознание: Ежегодник. 1980. М., 1981. С. 57—66.
- Стеблин-Каменский, 1982 — *Стеблин-Каменский И. М.* Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений. М., 1982.
- Стеблин-Каменский, 1984 — *Стеблин-Каменский И. М.* Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении: Автореф. докт. дис. М., 1984.
- Стеблин-Каменский, 1985а — *Стеблин-Каменский И. М.* Названия пахотного орудия в памирских языках // Иранское языкознание: Ежегодник. 1981. М., 1985. С. 154—170.
- Стеблин-Каменский, 1985б — *Стеблин-Каменский И. М.* Памирская лексика, связанная с веянием зерна и подметанием гумна // Вопросы памирской филологии. 3. Душ., 1985. С. 73—85.
- Стеблин-Каменский, 1987 — *Стеблин-Каменский И. М.* Термины орошения в памирских языках // Иранское языкознание: Ежегодник. 1982. М., 1987. С. 132—157.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТДХ, 1953 — *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). Вып. 1. Сталинабад, 1953.
- ТДХ, 1958 — *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). Вып. 2 / Подгот. к печати и снабжен примеч. и доп. А. К. Писарчик. Сталинабад, 1958.
- ТИЯЗ — Труды Института языкознания АН СССР. М.
- ТКД, 1966 — Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душ., 1966.
- ТРС, 1954 — Таджикско-русский словарь / Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. М., 1954.
- ФЗТ, 1969 — Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка в двух томах). М., 1969.
- Хромов, 1962 — *Хромов А. Л.* Говоры таджиков Матчинского района. Душ., 1962 (Труды АН Таджикской ССР. Т. 107).
- Хромов, 1972 — *Хромов А. Л.* Ягнобский язык. М., 1972.

- Эдельман, 1971 — *Эдельман Д. И.* Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
- ЯВГ, 1976 — *Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М.* Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976.
- ЯТ, 1957 — *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты: С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. М.; Л., 1957.
- AIW — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (photomechanischer Nachdruck: В., 1961).
- АО — Acta Orientalia. Leiden.
- Arch. Or. — Archiv Orientální. Praha.
- Bailey, 1967 — *Bailey H. W.* Prolexis to the Book of Zambasta // KhT. Vol. 6. 1967.
- Bailey, 1979 — *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Berger, 1974 — *Berger H.* Das Yasin-Burushaski (Werchikwar): Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, 1974.
- CDIAL — *Turner R. L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. L., 1966 (2nd impression, 1973).
- Elfenbein, 1965 — *Elfenbein J.* Laṇḍa, zor wəla! Waṇecī // Arch. Or. Vol. 35. 1965. С. 563—606.
- Emmerick, 1968 — *Emmerick R. E.* Saka Grammatical Studies. L., 1968.
- Gershevitch, 1954 — *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Ox., 1954.
- EVP — *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- EVSh — *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Stughni Group. Wiesbaden, 1974 (Beiträge zur Iranistik. Bd 6).
- Henning, 1940 — *Henning W. B.* Sogdica // *James G. Forlong Fund.* Vol. 21. L., 1940.
- Horn, 1893 — *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Hübschmann, 1895 — *Hübschmann H.* Persische Studien. Strassburg, 1895.
- IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- IIFL — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. 1. 1929; Vol. 2. 1938; Vol. 3. 1956; Vol. 4. 1973. Oslo (2nd ed., 1973).
- IJJ — Indo-Iranian Journal. Leiden.
- JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
- KEWA — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd 1—3. Heidelberg, 1953—1975.
- KhT — Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts / Ed. by H. W. Bailey. Vol. 1—6. Cambridge, 1945—1967.
- Kussmaul, 1965 — *Kussmaul F.* Badaxšan und seine Tağiken // Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums. N 14. Stuttgart, 1965. С. 11—99.
- LFA, 1961 — Lu at-i āmiyāna-yi Fārsī-yi Af ānistān. Ta'lif: Abdallah Af ānī-navīs. Kābul, 1340 (1961).
- Lorimer, 1922 — *Lorimer D. L. R.* The Phonology of Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti Dialects of Modern Persian with Vocabularies. L., 1922 (Prize Publication Fund. Vol. 6).
- Lorimer, 1938 — *Lorimer D. L. R.* The Burushaski Language. Vol. 3. Oslo, 1938.
- Lorimer, 1962 — *Lorimer D. L. R.* Werchikwar-English Vocabulary. Oslo, 1962.
- Morgenstierne, 1966 — *Morgenstierne G.* Notes on the Pashto Tolana Vocabulary of Munji // AO. Vol. 30 (Iranian Studies presented to Kaj Barr...). 1966. С. 177—188.
- Morgenstierne, 1973 — *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.

- Mukhiddinov, 1979a — *Mukhiddinov I.* Traditional Tilling Implements Utilized by the Pamir Nationalities... // Tools and Tillage. Vol. 3: 4. Copenhagen, 1979. C. 215—226.
- Mukhiddinov, 1979b — *Mukhiddinov I.* Spade Digging by Means of Andzhan Traction in the West Pamirs... // Tools and Tillage. Vol. 3: 4. Copenhagen, 1979. C. 245—248.
- Platts, 1930 — *Platts J. T.* A Dictionary of Urdū, Classical Hindī and English. 5th Impression. Oxford University Press. 1930.
- Shaw, 1876 — *Shaw R. B.* On the Ghalchah Languages (Wakhī and Sariḳolī) // JASB. Vol. 45. P. 1. N 2. C. 139—278.
- Snoy, 1964 — *Snoy P.* Feldbestellung in Mundschan // Festschrift für Ad. E. Jensen. München, 1964. C. 665—669.
- Tomaschek, 1880 — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien, II: Die Pamir-Dialekte. Wien, 1880.
- Weryho, 1962 — *Weryho J. W.* Sistānī-Persian Folklore // IJ. Vol. 5. 1962. C. 276—307.

I. M. Steblin-Kamensky. Lexics of the field works in Pamir Languages

This article continues the series analyzing agricultural vocabulary of Pamir languages in comparative and historical interpretation published earlier. The words designating different types of natural fertilizers, vast variety of agricultural devices (baskets, spade appliances, etc.), such verb as «plough and sow» are examined — all connected with the beginning of field work at spring. As the result reconstructions of Old Iranian roots for these agricultural terms are given together with the comparative table of studied words in all Pamir languages and Tadjik dialects of the region.